щинамъ, которыя отличались уходомъ за ранеными.

ПЕРА, 25 февраля. Циркулярная нота Порты, отъ 22 февраля, касательно косвенныхъ переговоровъ, которые, по слухамъ, ведутся между Турціей и Греціей, ставитъ на видъ невозможность такихъ переговоровъ, заявляетъ, что Турція не можетъ дѣлать Греціи какія-либо уступки и подтверждаетъ свои прежнія заявленія.

ОРЕНБУРГЪ 27 февраля. Сегодня выѣхало отсюда въ Петербургъ многочисленное бухарское посольство. Посольство везетъ подарки.

ВЕНЕЦІЯ, 26 февраля. Вчера умеръ отъ холеры одинъ рабочій.

БѢЛГРАДЪ, 26 февраля. Предстоящій на дняхъ въ Нишѣ совѣтъ министровъ будетъ обсуждать: созывъ скупщины или назначеніе новыхъ выборовъ, финансовое положеніе и вопросъ о кабинетѣ. Впредь до выясненія положенія Міятовичъ будетъ стоять во главѣ переходнаго кабинета.

БѢЛГРАДЪ, 27 февраля. Всѣ министры уѣзжаютъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ въ Нишъ. Слухи, сообщаемые газетами о новыхъ министерскихъ комбинаціяхъ, преждевременны. Король ратификуетъ завтра въ Нишѣ мирный договоръ.

БЕРЛИНЪ, 27 февраля. Въ день рожденія Всероссійскаго Императора, въ русскомъ посольствѣ не было особеннаго торжества, по случаю поста, но въ воскресенье у русскаго посла Шувалова будетъ большой обѣдъ. Вечеромъ посолъ съ супругой приглашены императоромъ и императрицею германскими на обѣдъ, который дается въ королевскомъ дворцѣ, въ честь дня рожденія Русскаго Императора.

ХРОНИКА.

Въ субботу, 1 марта, въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ отслужена панихида по въ Бозѣ почившемъ Его Императорскомъ Величествѣ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ четвергъ, 20-го февраля, вечеромъ, въ павильонѣ Императорскаго Эрмитажа, состоялся балъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Того же числа, въ Маріинскомъ и Александровскомъ петербургскихъ, а также Большомъ и Маломъ московскихъ театрахъ, были даны спектакли для воспитанницъ и воспитанниковъ столичныхъ учебныхъ заведеній. Въ обоихъ театрахъ были устроены отъ Высочайшаго Двора открытые буфеты съ фруктами, чаемъ, прохладительными напитками, и кромѣ того, каждая воспитанница получила по коробкѣ конфектъ съ вензелемъ Его Величества.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, Великими Князьями Георгіемъ и Михаиломъ Александровичами и Великою Княжною Ксеніею Александровною посѣтили Маріинскій театръ и въ антрактѣ заходили въ фойе, наполненное учащеюся молодежью.

Въ воскресенье, 23-го февраля, Ихъ Императорскія Величества посѣтили Царское Село, гдѣ въ Александровскомъ Дворцѣ въ Высочайшемъ присутствіи состоялся балъ.

Того же числа Ихъ Императорскія Величества возвратились въ Петербургъ. Пр. В.

— Къ некрологу И. С. Аксакова, «Правительственнымъ Вѣстникомъ», приводятся нижеслѣдующія свѣдѣнія о послѣднихъ часахъ его жизни изъ № 32 газеты «Русь».

По возвращеніи изъ Крыма, въ маѣ прошлаго года, И. С. провелъ лѣто на дачѣ близь Москвы, въ селѣ Спасскомъ. Его силы настолько возстановились, что, когда въ августѣ онъ снова приступилъ къ изданію «Руси», онъ чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ и бодрымъ. Это состояніе продолжалось до филиппопольскаго переворота. По мѣрѣ того, какъ развивались событія, возрастала тревога и усиливалось нервное волненіе И. С., а начиная съ № 23, всѣ статьи были писаны имъ въ страшномъ нервномъ возбужденіи. Однажды, незадолго до смерти, И. С. сказалъ женѣ: «что удивляться, что сердце болитъ! Развѣ такія статьи, какъ мои послѣднія, можно иначе писать, какъ сердцемъ?» Душевныя мученія подтачивали его больной организмъ, ослабленный къ тому же въ послѣднее время сильными геморроидальными припадками, начавшимися въ концѣ декабря и страшно измѣнившими его видъ. Попробовали давать ему желѣзо противъ малокровія, но принуждены были бросить это средство, вслѣдствіе болѣзни сердца, замѣченной докторами у И. С. еще прошлою зимою, передъ его поѣздкою въ Крымъ. Тѣмъ не менѣе, покойный скрывалъ, по возможности, свой недугъ и даже самого себя старался увѣрить, что онъ можетъ работать безнаказанно. И онъ работалъ усиленно, выѣзжалъ, и какъ бы спѣшилъ исполнить все, что, по его мнѣнію, составляло долгъ дружбы или входило въ кругъ его обязанностей. Недѣли за двѣ до кончины, послѣ одного изъ вечернихъ собраній, бывавшихъ у И. С. каждую пятницу, съ нимъ слѣлался обморокъ; но затѣмъ, вслѣдствіе прекращенія истощавшихъ его припадковъ, онъ сталъ видимо оправляться, даже краска здоровья какъ будто показалась на его исхудаломъ лицѣ. Тѣмъ не менѣе, друзья уговорили И. С. посовѣтоваться съ докторомъ Захарьинымъ. Въ четвергъ, 23-го января, онъ написалъ Г. А. Захарьину письмо и просилъ его назначить свиданіе въ субботу, воскресенье или понедѣльникъ—дни, слѣдовавшіе за выходомъ „Руси“, и потому болѣе свободные для И. С. Д-ръ Захарьинъ просилъ его пріѣхать въ 7 часовъ вечера, въ воскресенье, 26-го января. Въ этотъ день И. С. чувствовалъ себя особенно хорошо, за обѣдомъ былъ веселъ и, смѣясь, говорилъ женѣ: «мнѣ просто совѣстно ѣхать къ Захарьину—что я ему скажу»?

Однако, въ назначенное время И. С. все-таки поѣхалъ и вернулся домой только въ половинѣ двѣнадцатаго. Входя въ переднюю, онъ сказалъ женѣ: «можешь быть совершенно спокойна, Захарьинъ говоритъ, что у меня въ сердцѣ нѣтъ ничего. У меня хроническое воспаленіе нервовъ грудной клѣтки, что, конечно, отзывается и на дѣятельности сердца. Онъ говоритъ, что это можно отстранить мушками и нѣкоторыми лѣкарствами. Впрочемъ, я такъ утомленъ долгимъ изслѣдованіемъ, что говорить съ тобою сегодня не буду. Завтра разскажу все». Изъ сказаннаго д-ромъ Захарьинымъ на другой день, но еще до кончины И. С.—ясно, что изслѣдованіе обнаружило у него старческій порокъ сердца, котораго лѣчить нельзя; съ нимъ можно жить долго, но можетъ отъ него жизнь прерваться и внезапно. Во время этой консультаціи И. С. былъ, повидимому, въ возбужденномъ состояніи, говорилъ много и былъ не въ силахъ сдерживать себя.

Вернувшись отъ д-ра Захарьина И. С. немедленно легъ и заснулъ спокойно, но черезъ часъ проснулся и сказалъ: «мнѣ очень дурно»; онъ просилъ чтобъ ему поставили горчичникъ и принялъ капель; тѣмъ не менѣе, припадокъ продолжался почти всю ночь. Къ утру послали за ассистентомъ д-ра Захарьина, который наканунѣ вечеромъ участвовалъ въ изслѣдованіи больнаго. Когда припадокъ окончился, И. С. уснулъ довольно тихо. Въ это время явился ассистентъ д-ра Захарьина и приписалъ больному успокоительныя капли. Около 11 часовъ И. С. почувствовалъ себя бодрѣе: его перевели въ кабинетъ и положили на кушетку. «Вотъ, когда я расплачиваюсь за неумѣренный трудъ во время моего недуга», сказалъ онъ женѣ. Старались дать уснуть И. С.; на него напала дремота, а по временамъ съ нимъ началъ дѣлаться легкій бредъ. Тогда А. Ѳ. Аксакова послала за Н. М. Павловымъ и Д. Ѳ. Самаринымъ, близкими друзьями покойнаго. Они пріѣхали въ началѣ третьяго часа и было рѣшено немедленно ѣхать за докторомъ. Первую медицинскую помощь удалось, однако, подать больному только безъ четверти въ 6 часовъ. Эти три часа слишкомъ, прошедшіе въ ожиданіи врача, были ужасны, такъ какъ состояніе больнаго быстро ухудшалось. И. С. производилъ впечатлѣніе человѣка, находящагося въ предсмертной тоскѣ; онъ не терялъ сознанія, но не могъ одолѣть дремоты, которая овладѣвала имъ; по временамъ онъ говорилъ голосомъ, исходившимъ какъ бы изъ глубины груди, и приэтомъ путалъ нѣкоторыя слова. «Меня неотступно преслѣдуютъ три пункта», говорилъ онъ: «Сербія, Сербія... это уже меня не интересуетъ, но я не могу отвязаться отъ этихъ мыслей». Нѣсколько времени спустя, ударили въ колоколъ въ храмѣ Христа Спасителя. «Что это»? спросилъ И. С., пробуждаясь отъ дремоты.—Это звонятъ къ вечернѣ, отвѣчали ему. И опять возобновилась тоска. И. С. лежалъ блѣдный и томился; онъ жаловался на давленіе, ощущаемое имъ во лбу, на жажду, на потъ, который выступалъ у него на лицѣ. «Нельзя ли освѣжить голову?» Ему подали смоченное водою полотенце; онъ утерся. «Теперь легче», сказалъ онъ. Онъ попросилъ, чтобы его пересадили въ кресло; придвинули кресло къ кушеткѣ и пересадили его; голова лежала на подушкахъ, которыми обложили его. Иванъ Сергѣевичъ оставался одинъ съ своей женой; только по временамъ входилъ къ нему одинъ изъ оставшихся въ домѣ его друзей, другой въ это время хлопоталъ о докторѣ. Тревожно было впечатлѣніе, которое производилъ И. С., и все таки окружающіе не теряли надежды, въ виду словъ, сказанныхъ утромъ врачомъ. Внесли въ кабинетъ кровать, И. С. перевели подъ руки и положили на нее. Съ нимъ возобновился такой же припадокъ, какъ ночью; А. Ѳ. Аксакова распорядилась опустить руки и ноги И. С. въ горячую воду; это облегчило его, но дыханіе было тяжело; болѣзнь принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. И. С. сталъ молиться вмѣстѣ съ женою и громко, ясно и твердо прочиталъ: «Отче нашъ» и молитву Богородицѣ.

Наконецъ, пріѣхалъ ассистентъ д-ра Захарьина, видѣвшій больнаго утромъ, выслушалъ сердце, поставилъ горчишники, обложилъ больнаго бутылками горячей воды, хотѣлъ сдѣлать подкожное впрыскиваніе, но И. С. отвернулся къ стѣнѣ и сказалъ громко, съ досадой: «оставьте меня, я хочу спать,—спать, спать!» Послали къ священнику просить его, чтобы онъ пришелъ съ Святыми Дарами; напомнили врачу, что д-ръ Захарьинъ совѣтовалъ поставить мушку, и что она готова. И. С. приподняли голову и сказали, что ему надо ставить мушку. «Дѣлайте, что хотите», сказалъ онъ въ полномъ сознаніи; это было около четверти седьмаго. Но всѣ эти средства видимо не помогали; положеніе больнаго становилось явно безнадежно. Прибывшій мѣстный приходскій священникъ, И. Я. Смирновъ причастилъ И. С. Святыхъ Христовыхъ Таинъ; онъ слабо вздохнулъ нѣсколько разъ и безболѣзненно испустилъ духъ; можно было бы думать, что онъ заснулъ. Пріѣхалъ духовный отецъ И. С. протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, обратился со словами утѣшенія къ женѣ усопшаго и прочелъ у изголовья отошедшаго въ вѣчность молитву на исходъ души. Вдову отвели въ другую комнату, къ постели почившаго подошелъ пріѣхавшій д-ръ А. Я. Кожевниковъ, и могъ только удостовѣрить, что то была дѣйствительно кончина. Тѣло омыли, одѣли въ черное платье, положили на желѣзную кровать и покрыли бѣлой простыней; кровать поставили среди комнаты, и первую панихиду отслужилъ вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ другъ покойнаго, протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ.

Черезъ часъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича принесена была телеграмма, адресованная на его имя: „Гродна, 27 января, въ 5 ч. 38 м. по полудни. Празднуя день святаго Іоанна Златоуста на окраинѣ Россіи, вспоминаемъ русскаго Златоуста, борца за Православіе и славянскую идею, Ивана Сергѣевича Аксакова.—